

«Платоновские вопросы» Плутарха

Крапивина Т.В.

Плутарх (ок. 40-х гг. I в. – ок. 120 г. н.э.) всем, конечно, хорошо известен. Хорошо известен, во-первых, как автор знаменитейших «Сравнительных жизнеописаний», во-вторых, (но уже, наверное, не так хорошо) как далеко не оригинальный мыслитель-платоник. Поэтому, как правило, когда мы пытаемся завести речь о *Плутархе как о мыслителе*, возникают две значительные фигуры, которые моментально оказываются в центре внимания и меняют тему разговора: фигура Платона и фигура самого Плутарха, но – биографа. Он сам оказывается интересен историкам, литературоведам, но, к сожалению, не философам.

Наша задача, напротив, – обратиться именно к этой, ярко не выраженной стороне личности Плутарха и показать его именно как глубокого мыслителя и *философа*, пусть и не столь оригинального. Для этого мы воспользуемся трактатом «Платоновские вопросы». Это сочинение довольно небольшое, однако не настолько, чтобы остаться незамеченным. Тем не менее, русскоязычному читателю оно практически неизвестно (не по вине ли русскоязычных исследователей развития платонической традиции?). Потому, не притязая на полное восстановление этой лакуны, попробуем дать некоторую общую характеристику сочинения и предложить для более близкого знакомства перевод первого вопроса.

Трактат состоит из десяти частей, которые не объединяет ни логическая связь, ни общая тематика. Каждая часть – это вопрос, которым задаётся автор на основании определённого фрагмента из текстов платоновского корпуса и на который он пытается дать ответ в русле платонизма. Плутарх не останавливается на центральных (то есть «общеизвестных») проблемах философии Платона, наоборот, для него оказываются более интересными те моменты, которые на первый взгляд даже искушенного читателя зачастую кажутся совершенно прозрачными или не стоящими серьёзного внимания. Обращаясь к ним, Плутарх за, казалось бы, простым вопросом раскрывает философскую проблему, более того, поднимает и очерчивает целый круг проблем в рамках этого вопроса. Именно таким путем – постановки все новых проблем – и выстраивается целостный ответ на изначальный вопрос, потому тексты мыслителя, являясь по объёму довольно малыми, содержательно очень насыщены. Нельзя также упрекать Плутарха в том, что он напрасно сосредоточивается на второстепенных проблемах, поскольку эти «второстепенные» проблемы удивительным образом оживляют и связывают «общеизвестные» положения философии Платона.

Поражает также кругозор и эрудиция мыслителя: его пытливый ум обращается к самым различным областям, находя ответы как на собственно философские вопросы, так и на вопросы, касающиеся физики, математики, риторики (без потери философского содержания). Например, такие вопросы: «Почему Платон назвал высшего бога отцом и создателем всего сущего?»,

«Почему Тимей говорит, что души посеяны в землю, и луну, и прочие орудия времени?», «Почему Платон сказал, что речь состоит из имен и глаголов?» и т.д.

Почему бог повелел Сократу помогать при родах другим, самого же удержал от рождения, как сказано в «Теэтете» (150с)? Ведь из притворного самоумаления и шутя Сократ бы не воспользовался именем бога. И так уже его речи в «Теэтете» звучат подчас весьма хвастливо и надменно, среди которых есть и такие: «Многие ведь, дорогой мой, меня так невзлюбили, что просто растерзать были готовы, когда я лишал их возможности говорить какой-нибудь вздор, не понимая, что я это делаю с добрыми намерениями. Не могут они разуместь, что ни один бог не враждебен людям, и я ничего из злого умысла не делаю, но нет для меня такого закона – принимать ложь и утаивать истину» (151с).

Названа ли его собственная природа, способная в большей степени судить, нежели рождать, богом, подобно тому, как у Менандра говорится: «ум в каждом человеке – это бог его» (294(792)) [перевод О. Смыки], и у Гераклита: «нрав человеку – божество» (В 119)? Или вправду виновником выступает некое божественное и демоническое начало? Оно подсказало Сократу такой род философии, благодаря которому он, испытывая других, избавлял их всегда от спеси, заблуждений, хвастовства, от того, что в тягость сперва их самим, а затем и окружающим?

Как нарочно, тогда появились в Элладе софисты; юноши, платя им большие деньги, надувались самомнением и ложной мудростью и, проводя время в спорах и прениях, были преданы пустословию и праздности, а вовсе не чему-либо прекрасному и полезному. Сократ же, пользуясь изобличительным словом, как очистительным лекарством, был верен себе в том, что, испытывая других, сам ничего не утверждал, и вступал в разговор, намереваясь скорее искать истину вместе с другими, чем отстаивать собственное мнение. И потом, хотя рождение и полезно, оно мешает суждению. Ведь тот, кто любит, ослеплен любимым, а человек в том, что ему принадлежит, не любит ничего так, как собственное мнение и речь. И распределение детей, называемое справедливейшим, по отношению к речам является в высшей степени несправедливым, следует ведь в первом случае забирать собственное дитя, во втором же, – лучшее, даже если оно будет чужим. Потому тот, кто породил своё, становится худшим судьёй других. И как один мудрец сказал, что элейцы станут лучшими судьями на олимпийских играх, если никто из самих элейцев не будет участвовать в состязаниях [ср. «Изречения спартанцев», 215F; «Сравнительные жизнеописания», Ликург XX], так обстоит дело и с тем, кто намеревается должным образом направлять и разбирать речи. Он не будет справедливым судьёй, если сам начнёт стремиться к награде и соперничать с теми, кого взялся судить.

И как эллинские полководцы, голосуя за достойнейших, выбирали самих себя, так и из философов нет никого, кто бы не был подвержен тому же, кроме тех, кто, как Сократ, обязался не говорить ничего своего – они-то единственные

и являются подлинными и бескорыстными стражами истины. Как воздух в ушах, будь он не покоен и не лишён собственного звучания, но полон шума и свиста, не точно воспринимает внешний звук, так и критическая способность в философии – если изнутри что-то в ответ начнёт откликаться и шуметь, трудно будет понять то, что говорится извне. Ведь ни собственное мнение, ни мнение, схожее с ним, не потерпит разногласия с собой, о чём свидетельствует множество философских школ, среди которых, если бы философская способность действовала наилучшим образом, была бы одна направляющая, все же прочие – мнимые и находящиеся во вражде с истиной.

Более того, если действительно нет для человека ничего постижимого и познаваемого, то справедливо бог помешал Сократу рождать пустые, ложные и легкомысленные речи, а заставил изобличать тех, кто подвизался в этом. Ведь не малая, но величайшая была польза от слова, избавляющего от самого худшего из пороков – обмана и душевной пустоты, – «и не потомкам Асклепия это было даровано богом» [Феогнид 432]. Ведь не тело Сократ лечил, но душу – испорченную и развращённую – очищал.

Если же возможно познание истины, а истинное одно, то не меньше знающего имеет научившийся у него; берёт же больше убеждённый в том, что он не имеет, и берёт лучшее из всего, как тот, кто не имеет собственных детей, усыновляет наилучшего. Посмотри, разве достойны усердия иные творения и науки, и речи риториков, и учения софистов, которые даймоний удерживал рождать Сократа? Или же та единственная мудрость, ведущая к божественному и умопостигаемому и названная Сократом эротической (что и направляла его), каковой человеку невозможно ни рождение, ни изобретение, но лишь припоминание? Потому и ничему не учил Сократ, но, посеяв в душах юношей семена сомнений будто родовых мук, пробуждал, оживлял и помогал выйти на свет врождённое мышление. И это называл майевтическим искусством, которое не вкладывает извне, чем хвалятся некоторые, ум кому ни попадя, но обращено к тем, кто имеет его в себе неразвитым, сбившимся и нуждающимся в заботе и укреплении.